

Михаил Михайлович Филиппов

**Готфрид Лейбниц. Его  
жизнь, общественная, научная  
и философская деятельность**



Жизнь замечательных людей

Михаил Филиппов

**Готфрид Лейбниц. Его жизнь,  
общественная, научная и  
философская деятельность**

«Public Domain»

## **Филиппов М. М.**

Готфрид Лейбниц. Его жизнь, общественная, научная и философская деятельность / М. М. Филиппов — «Public Domain», — (Жизнь замечательных людей)

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад отдельной книгой в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют по сей день информационную и энергетико-психологическую ценность. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

# Содержание

Глава I	6
Глава II	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

# **Михаил Михайлович Филиппов Готфрид Лейбниц. Его жизнь, общественная, научная и философская деятельность**

*Биографический очерк М. М. Филиппова, д-ра философии  
Гейдельбергского университета*

*С портретом Лейбница, гравированным в Лейпциге Геданом*



## Глава I

*Происхождение. – Суеверия XVII века. – Влияние отца. – Недальновидный учитель. – Чтение классиков и схоластов.*

Подобно многим великим людям, Лейбниц был смешанного происхождения: в жилах его текла не только немецкая, но и славянская кровь. Сам Лейбниц в составленной им краткой автобиографии утверждает, что предки его по отцу были родом «из Польши и Богемии». Фамилия «Лейбниц», несомненно, славянского корня – это переделка имени Лубенец. По материнской линии Лейбниц, по-видимому, имел чисто немецких предков: мать его была урожденная Шмукк. По воспитанию и окружающей среде, успевшей вполне онемечить уже прадеда великого Лейбница, немецкий философ, конечно, должен считаться таким же немцем, как и Лессинг – потомок лужицких лесников.

Большая часть немецких писателей безусловно отвергает в натуре Лейбница всякие «примеси». Все, что можно сказать в пользу расовых влияний, сводится к замечанию, что Лейбниц, в противоположность методичному Канту и аккуратному Гайдну, отличался некоторой «славянской» широтой натуры, разбросанностью и порой даже безалаберностью. Черты эти, однако, встречаются и у романских, и даже у чисто германских выдающихся людей. Более серьезным можно считать указание на необычайную легкость, с которою Лейбниц усваивал иностранные языки, – тут атавизм мог играть непосредственную роль, весьма легко объяснимую даже с чисто физиологической точки зрения.

Если оставить в стороне вопрос о расе, то влияние наследственности в более широком смысле слова может быть прослежено у Лейбница довольно глубоко. С обеих сторон, – и с отцовской, и с материнской, – мы видим у него предков, более или менее выдающихся по своему умственному развитию. Отец Лейбница был довольно известный юрист и в течение двенадцати лет преподавал философию или, как тогда выражались, мировую мудрость, занимая должность ассессора на философском факультете Лейпцигского университета. Он был также «публичным профессором морали». Его третья жена, Катерина Шмукк, мать великого Лейбница, была дочерью выдающегося профессора, преподававшего юридические науки. Семейные традиции с обеих сторон предсказывали Лейбницу философскую и юридическую деятельность.

Из автобиографических показаний Лейбница видно, что его отец весьма рано распознал гениальную натуру сына, можно даже сказать, слишком рано, и рассказ Лейбница об этом не лишен – с точки зрения каждого здравомыслящего читателя – известной доли юмора. Когда над Лейбницем совершали обряд крещения, малютка поднял глаза к потолку. Отец Лейбница усмотрел в этом слишком обыденном случае «особое предзнаменование великой будущности сына» и занес «событие» в свою семейную хронику в витиеватых выражениях, заявив, что сын его всегда будет обращать взоры к небесам, к Божеству и всей своей деятельностью подтвердит указанное предзнаменование.

Другое не менее «знаменательное» событие, характеризующее суеверия того времени, произошло с Лейбницем, когда он был маленьким мальчиком. Пусть об этом расскажет сам Лейбниц, чрезвычайно любивший повторять анекдоты из своего детства с целью доказать, что еще ребенком он был существом необыкновенным. Что же касается его отца, – трудно сказать, играло ли здесь главную роль суеверие, или общая для многих родителей склонность считать своих детей особенными существами.

«Однажды в воскресенье, – пишет Лейбниц, – моя мать пошла в церковь слушать проповедь. Отец был болен и остался дома в постели. Я играл у печки и был еще не совсем одет. Кроме меня в комнате была лишь одна из теток. Я карабкался на скамью, стоявшую подле стола; у стола стояла тетка и хотела меня одеть. Я шалил и со скамьи взобрался на стол; она

хотела меня поймать, я кувыркнулся и упал со стола. Отец и тетя вскрикнули и увидели, что я сижу подле стола и смеюсь как ни в чем не бывало, хотя я пролетел гораздо дальше, чем если бы спрыгнул. Отец усмотрел в этом счастливом исходе особое благоволение Божие и немедленно послал слугу с запиской в церковь, чтобы, по обычаю, отслужить благодарственный молебен. Об этом происшествии много говорили в городе. Частью из этого случая, частью не знаю из каких сновидений и предзнаменований, отец мой вывел относительно меня такие большие надежды, что его приятели насмехались над ним из-за этого».

Впрочем, влияние отца на маленького Лейбница было в общем благотворным. Он старался развить в ребенке любознательность и часто рассказывал ему маленькие эпизоды из священной и светской истории. Эти рассказы, по словам самого Лейбница, глубоко запали ему в душу и были самым сильным впечатлением его раннего детства.

Лейбницу не было и семи лет, когда он потерял отца<sup>1</sup>. Мать Лейбница, которую современники называют умной и практичной женщиной, заботясь об образовании сына, отдала его в школу Николаи, считавшуюся в то время лучшею в Лейпциге. Помощником ректора этой школы был известный ученый и философ Яков Томазий, отец знаменитого Христиана Томазия, однако преподаватели школы, за немногими исключениями, не блистали талантами.

Лейбниц рассказывает один эпизод из своей школьной жизни, в достаточной мере характеризующий дух тогдашнего школьного образования. Рассказ интересен еще и как доказательство чрезвычайно раннего развития способностей Лейбница. Если Паскаль двенадцати лет изобрел геометрию, то почти так же удивительно изобретение Лейбница, который в таком же возрасте открыл способ изучать римских авторов без помощи словаря и без содействия учителя.

«Когда я подрос, – рассказывает Лейбниц, – мне начало доставлять чрезвычайное наслаждение чтение всякого рода исторических рассказов. Немецкие книги, которые мне попадались под руку, я не выпускал из рук, пока не прочитывал их до конца. Латинским языком я занимался сначала только в школе и, без сомнения, я подвигался бы с обычной медленностью, если бы не случай, указавший мне совершенно своеобразный путь. В доме, где я жил, я наткнулся на две книги, оставленные одним студентом. Одна из них была сочинения Ливия, другая – хронологическая сокровищница Кальвизия. Как только эти книги попали мне в руки, я проглотил их; Кальвизия я понял без труда, потому что имел немецкую книгу по всеобщей истории, где говорилось приблизительно то же самое. Но при чтении Ливия я постоянно попадал в тупик. Не имея понятия ни о жизни древних, ни об их манере писания, не привыкнув также к возвышенной риторике историографов, стоящей выше обыденного понимания, я, откровенно говоря, не понимал ни одной строки. Но это издание было старинное, с гравюрами. Поэтому я внимательно рассматривал гравюры, читал подписи и, мало заботясь о темных для меня местах, попросту пропускал все то, чего не мог понять. Это я повторил несколько раз и перелистывал всю книгу. Забегая таким образом вперед, я стал немного лучше понимать прежнее. В восторге от своего успеха я таким образом подвигался вперед, без словаря, пока наконец мне не стала вполне ясною большая часть прочитанного».

Учитель Лейбница вскоре заметил, чем занимается ученик. Не долго думая, он отправился к лицам, которым мальчик был отдан на воспитание, требуя, чтобы они обратили внимание на «неуместные и преждевременные» занятия Лейбница.

«По его словам, – пишет Лейбниц, – эти занятия были только помехой моему учению. Ливии годился, по его мнению, для меня, как *котурн для пигмея*. Книги, годные для старшего возраста, надо отобрать у мальчика и дать ему *Orbis pictus* Коменского и маленький катехизис. Без сомнения, он убедил бы моих воспитателей, если бы случайным образом свидетелем этого

---

<sup>1</sup> Лейбниц родился в Лейпциге 23 июня (4 июля) 1646 года – протестанты считали в то время по старому стилю; отец его умер 5 сентября 1652 г.

разговора не оказался один живший по соседству ученый и много путешествовавший дворянин, друг хозяев дома. Пораженный недоброжелательством или, лучше сказать, глупостью учителя, который мерил всех одною мерою, он стал, напротив, доказывать, как было бы нелепо и неуместно, если бы первые проблески развивающегося гения были подавлены суровостью и грубостью учителя. Наоборот, надо всеми средствами благоприятствовать этому мальчику, обещающему нечто необыкновенное. Немедленно попросил он послать за мною, и когда, в ответ на его вопросы, я ответил толково, он до тех пор не отстал от моих родственников, пока не заставил их дать обещание, что меня допустят в библиотеку моего отца, давно находившуюся под замком. Я торжествовал, как если бы нашел клад, потому что стирал от нетерпения увидеть древних, которых знал только по имени, – Цицерона и Квинтилиана, Сенеку и Плиния, Геродота, Ксенофонта и Платона, писателей Августова века и многих латинских и греческих отцов церкви. Все это я стал читать, смотря по влечению, и наслаждался необычайным разнообразием предметов. Таким образом, не имея еще двенадцати лет, я свободно понимал латынь и начал понимать по-гречески».

Этот рассказ Лейбница тем более ценен, что подтверждается и сторонними свидетельствами, доказывающими, что его выдающиеся способности были замечены и товарищами, и лучшими из преподавателей. Лейбниц особенно дружил в школе с двумя братьями Иттигами, которые были значительно старше его возрастом и считались в числе лучших учеников. Отец их был учителем физики, и Лейбниц любил его больше прочих учителей.

Кроме физики и Ливия, Лейбниц увлекался еще и Вергилием; до глубокой старости он помнил наизусть чуть ли не всю «Энеиду». В старших классах его особенно отличал Яков Томазий, однажды сказавший мальчику, что рано или поздно он приобретет славное имя в ученом мире.

Впоследствии Лейбниц изобразил в довольно поэтической форме свои юношеские стремления, описав себя под именем Пацидия.

«Когда Пацидия допустили в библиотеку отца, он взял себе в учителя Провидение. Он слышал внутренний голос, повелевавший ему: *tolle lege!* (возьми и прочитай). Сама судьба назначила ему остаться без посторонней помощи, без совета, и в его возрасте ему осталось руководствоваться лишь собственной смелостью. По воле случая он прежде всего занялся древними... и подобно тому, как люди, часто бывающие под лучами солнца, загорают помимо своей воли, так и он приобрел известного рода окраску не только в выражениях, но и в образе мыслей. Когда он позднее принялся за новейших писателей, ему стало тошно от их книг, заполнивших в то время книжные лавки, от этих мешков, набитых пустотою или бестолковою смесью чужих мыслей, без привлекательности, без силы и полноты, без всякой живой пользы. Можно было подумать, что все это написано для какого-то иного мира, который эти авторы называли то своею республикой, то своим Парнасом. Когда он снова думал о древних, с их мужественными, полными силы мыслями, объединяющими всю жизнь человеческую как бы на одной картине, с их естественною, ясною, текучею, приспособленною к содержанию формой, – различие оказывалось огромным! Оно было так велико, что Пацидий с той поры поставил себе двумя основными правилами: искать в словах и выражениях *ясности*, в вещах – *пользы*. Позднее он узнал, что ясность есть основа всякого суждения, а польза – основа всякого открытия, и что большинство людей заблуждаются именно потому, что слова их неясны, а опыты бесцельны. Вооруженный такими началами, он казался своим сверстникам по школе каким-то чудом».

Любопытно, что еще в двенадцатилетнем возрасте Лейбниц любил отыскивать во всем «единство и гармонию». В первый раз он усмотрел и то, и другое в различных науках. Он успел понять, что цель всех наук одна и та же и что наука существует для человека, а не человек для науки. «Он пришел к мысли, что отдельному человеку должно казаться наилучшим то,



что плодотворнее всего для всеобщего, и что наилучшим средством для прекрасного служит человек».

Лейбницу не было еще четырнадцати лет, когда он изумил своих школьных учителей, проявив еще один талант, которого в нем никто не подозревал. Он оказался не только филологом, но и поэтом, – по тогдашним понятиям истинный поэт мог писать только по-латыни или по-гречески.

В день Троицы, по обычаю, один из учеников должен был прочесть праздничную речь по-латыни. Ученик, на которого выпала эта обязанность, заболел, и никто не вызвался заменить его. Наконец обратились к Лейбницу: товарищи знали, что он мастер писать стихи. Действительно, Лейбниц взялся за дело и в один день настрочил триста гекзаметров, причем, для пущей важности, нарочно постарался избежать хотя бы единого стечения гласных. Стихотворение вызвало одобрения учителей, которые признали Лейбница выдающимся поэтическим талантом, хотя и выразили опасение, что он, ради стихотворства, пренебрежет научными занятиями. Опасения были напрасны. Натура Лейбница отличалась такой жадной новизны, что он не мог остановиться окончательно на какой-либо одной стороне умственной деятельности. Тогдашняя сухая школьная логика привлекала его не менее поэзии. В этой скучной науке Лейбниц сумел найти больше того, что ему предлагали в учебниках и в классе. Под покровом варварских схоластических формул Лейбниц сумел увидеть нечто такое, что скрывалось от его учителей. В четырнадцатилетнем возрасте он стал вдумываться в истинную задачу логики как *классификации элементов человеческого мышления*. Лейбниц рассказывает об этом следующее:

«Я не только умел с необычайною легкостью применять правила к примерам, чем чрезвычайно изумлял учителей, так как никто из моих сверстников не мог сделать того же; но я уже тогда во многом усомнился и носился с новыми мыслями, которые записывал, чтобы не забыть. То, что я записал еще в четырнадцатилетнем возрасте, я перечитывал значительно позднее, и это чтение всегда доставляло мне живейшее чувство удовольствия. Из моих тогдашних сообщений приведу лишь один пример. Я видел, что логика подразделяет простые понятия на известные разряды, так называемые *предикаменты*<sup>2</sup>. Меня удивляло, почему не подразделяют подобным же образом сложные понятия или даже суждения так, чтобы один член вытекал или выводился из другого. Придуманные мною разряды я называл также предикаментами (категориями) суждений, образующими содержание или *материал умозаключений*, подобно тому, как обыкновенные предикаменты образуют *материал суждений*. Когда я высказал эту мысль своим учителям, они мне не ответили ничего положительного, а только сказали, что мальчику не годится вводить новшества в предметы, которыми он еще недостаточно занимался. Позднее я понял, что порядок, к которому я стремился, совершенно тот же, как в элементарной математике, где одно предложение вытекает из другого. Этого самого я напрасно добивался от философов».

В пятидесятилетнем возрасте Лейбниц все еще охотно вспоминал о своих первых школьных занятиях логикой.

«Я должен сознаться, – пишет он Габриэлю Вагнеру, – что и в прежней (схоластической) логике было кое-что полезное. Я обязан сказать это из чувства благодарности, потому что действительно мне принесла пользу и та логика, которую преподают в школах... Я перечитывал всевозможные руководства, стараясь выискать в них род общего реестра всех вещей, существующих в мире. Часто я задавал вопросы самому себе и товарищам, спрашивая, к какому предикаменту (категории) и к какому разряду относится то или иное. Вскоре я имел удовольствие открыть, что с помощью таких предикаментов можно многое угадать или вспомнить забытое, когда имеешь в мозгу некоторое представление, но не можешь фазу отыскать его. В таких слу-

---

<sup>2</sup> На языке схоластики *предикамент* означал то же, что *категория*

чаях надо только спросить себя самого или других по известным предикаментам и дальнейшим подразделениям. С этой целью я даже составил таблицы... При таком допросе можно быстро исключить все не относящееся к делу и обнаружить настоящего „виновника“. Составляя такие таблицы познаний, я нашел, что эти деления и подразделения и составляют связь мыслей... Такого рода занятия доставляли мне особое удовольствие, и из того, что я нашел тогда, многое даже теперь мне кажется не совсем дурным... Эти деления и подразделения составляют род тенет для ловли дичи. Когда мне возражают, что хорошие головы обходятся и без такого пособия, я отвечаю, что даже дурная голова может с таким пособием иной раз сделать более, чем хорошая, действующая без всякой системы. Ребенок при помощи линейки может провести лучшую прямую линию, чем искуснейший рисовальщик прямо от руки. Превосходные умы несомненно достигнут при таком пособии весьма многого».

Замечательно, что еще в ранней молодости Лейбниц соединил свои первые попытки к реформе школьной логики с остроумной идеей, впоследствии возобновлявшейся в самых разнообразных формах: он пытался создать «азбуку мыслей», идеографию или «пасиграфию», род усовершенствованных иероглифов, долженствующих выражать абстрактные научные понятия. Подобно тому, как буква есть символ звука, составляющего часть слова, знаки Лейбница должны были выражать собою простейшие общие понятия, а из комбинации этих знаков должны были получаться символы не отдельных слов, а суждений и умозаключений. Предположим, что буквою А обозначается понятие *человек*, буквою Б – понятие *смертный*, буквою В – понятие о множественном числе, в таком случае комбинация А Б В достаточно ясно выражает собою суждение: *Люди смертны*. Нечего и говорить, что практическое осуществление идеи Лейбница представляет почти непреодолимые трудности. Мысль создать «азбуку идей», одинаково понятную всем народам, увлекательна, но разумное применение ее уже сделано в области формул математики, химии и других наук. Идти далее того едва ли уместно. Так или иначе, эта мысль пришла на ум Лейбницу еще в школьные годы и занимала его в течение всей жизни, не дав, однако, сколько-нибудь удовлетворительных результатов.

«Две вещи, – пишет Лейбниц, – принесли мне огромную пользу, хотя обыкновенно они приносят вред. Во-первых, я был, собственно говоря, *самоучкой*, во-вторых, во всякой науке, как только я приобретал о ней первые понятия, я всегда искал *новое*, часто просто потому, что не успевал достаточно усвоить обыкновенное... Когда у меня впервые возникла мысль о возможности составить азбуку, выражающую человеческие понятия, и когда я подумал, что, комбинируя буквы этой азбуки, можно, быть может, все найти и все исследовать, я пришел в восторг. Моя радость была, конечно, сначала радостью мальчика, не вполне постигшего величие предмета. Позднее, чем больше я над этим думал, тем больше во мне укреплялась решимость заняться столь важным вопросом».

На школьной скамье Лейбниц успел уже прочесть все более или менее выдающееся, что имелось в то время в области схоластической логики. Он читал какого-нибудь Суареса «так легко, как милезийскую сказку или как так называемые романы». Богословские трактаты также интересовали его. Он прочел сочинение Лютера о свободе воли, многие полемические трактаты лютеран, реформатов, иезуитов, арминиян, томистов и янсенистов; то было время, когда ожесточенные религиозные войны мало-помалу уступали место теоретической полемике. Эти новые занятия Лейбница встревожили его воспитателей. Они боялись, что Лейбниц станет «хитроумным схоластиком». «Они не знали, – пишет философ в своей автобиографии, – что мой дух не мог быть наполнен односторонним содержанием».

## Глава II

*Студенческие работы. – Полигистор. – Вейгель. – Томазий. – Интриги деканши. – Докторский экзамен. – Лейбниц в роли розенкрейцера.*

Пятнадцатилетним юношей Лейбниц стал студентом Лейпцигского университета (1661 г.).

По своей подготовке он значительно превосходил многих студентов старшего возраста. Правда, характер его занятий по-прежнему оставался крайне разносторонним, можно даже сказать беспорядочным. Он читал все без разбора, богословские трактаты наряду с медицинскими.

В начале своей студенческой жизни Лейбниц много терял от плохой математической подготовки, не позволявшей ему, например, понять еще в то время философию Декарта. Неудивительно, что, зная лишь школьных философов своего времени, Лейбниц предпочитал им древних. Мало-помалу он, однако, ознакомился и с великими умами новейшего времени, – с Декартом и Бэконом, с Кеплером и Галилеем.

Официально Лейбниц считался на юридическом факультете, но специальный крут юридических наук далеко не удовлетворял его. Кроме лекций по юриспруденции, он усердно посещал и многие другие, в особенности по философии и математике.

В числе профессоров философии в Лейпциге были Адам Шерцер, ученый представитель схоластики, и Яков Томазий, поклонник Аристотеля, человек с огромной начитанностью и выдающимся преподавательским талантом. Сам Лейбниц признавал, что Томазий много способствовал систематизации его разнородных, но разрозненных знаний. Томазий читал историю *философии* в то время, как другие читали только историю *философов*. Очевидно, что в лекциях Томазия гениальный ученик нашел не только новые сведения, но и новые обобщения, новые мысли, и бесспорно, что эти лекции немало содействовали его быстрому ознакомлению с новым направлением, с великими идеями конца XVI и начала XVII века. То была знаменательная эпоха, когда в Италии и во Франции новый дух уже совершил крупные завоевания, система Коперника и Галилея была отвергаема лишь инквизицией и невеждами, а мирозерцание Декарта вытеснило даже авторитет Аристотеля, превратившись, в свою очередь, в неприкосновенную догму. Картезианизм успел отчасти повлиять и на Германию, хотя и не дал здесь обильных плодов из-за тогдашней сравнительной отсталости немцев в математических и физических науках.

Пропась между схоластикой и новой философией была так велика, что свет новых идей сперва ослепил Лейбница. «Этот юноша, – пишет он, изображая себя под именем Пацидия, – был необыкновенно счастлив, когда ознакомился с планами великого Фрэнсиса Бэкона, с глубокими мыслями Кардана и Кампанеллы, с опытами лучшей философии, которые он нашел в трудах Кеплера и Галилея, и Декарта».

Как уже было замечено, несмотря на существование отдельных гениев, каким был Кеплер, Германия не могла в то время считаться передовой в области физико-математических наук. Преподавание этих наук в немецких университетах было поставлено намного хуже, чем во Франции, Италии и Англии. В Лейпциге Лейбниц слушал лекции профессора Кюна, который шел не дальше «Начал» Эвклида и читал их так неясно, что, говорят, из юных студентов один Лейбниц понимал его лекции и потом разъяснял товарищам более удобопонятным языком. Желая пополнить свое математическое образование, Лейбниц отправился в Йену, где славился математик Вейгель.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.